

ТУТАНХАМОН

ЗОЛОТАЯ ГРОБНИЦА
И ТАЙНА ЗНАМЕНИТОГО ФАРАОНА

и

Анна Инежина

Анна Инежина

**Тутанхамон: Золотая гробница
и тайна знаменитого фараона**

«Автор»

2026

Инежина А.

Тутанхамон: Золотая гробница и тайна знаменитого фараона /
А. Инежина — «Автор», 2026

Как отличить правду о Тутанхамоне от легенд, которыми окружили его золотую гробницу? Юный фараон правил недолго, а его жизнь скрыта за пробелами и сенсациями. За образом мальчика в золотой маске — история державы, переживающей перемены. Путь ведёт от двора Эхнатона и возвращения старых богов к смерти царя, погребальным обрядам и запечатанным дверям KV62. Сокровища рассказывают не только о богатстве, но и о вере, ремесле и быте Египта. Исследования мумии и открытие 1922 года приближают к разгадкам, однако причина смерти не установлена, а убийство не доказано. Где заканчиваются факты и начинается миф о «проклятии фараона»? Для тех, кто любит Древний Египет и хочет отделять свидетельства от догадок: перед вами предстанет не музейная легенда, а реальный правитель своей эпохи. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Инежина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Египет Тутанхамона: великая держава на пороге перемен	6
Семья фараона: происхождение, родители и загадка наследника	10
Детство среди реформ: жизнь при дворе Эхнатона	14
От Тутанхатона к Тутанхамону: восшествие на престол	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анна Инежина
Тутанхамон: Золотая гробница
и тайна знаменитого фараона

Тутанхамон: Золотая гробница и тайна знаменитого фараона

Анна Инежина

Египет Тутанхамона: великая держава на пороге перемен

На рассвете Нил кажется шире, чем ночью: над водой медленно поднимается свет, и берег проступает из тумана — сначала пальмы, затем поля, каналы, стены храмов. На север, по течению, движется грузовое судно. В его трюме могли быть зерно из южных областей, золото из Нубии или товары, доставленные купцами из дальних стран. Вёсла мерно входят в воду. На берегу крестьяне проверяют канавы после разлива, а над крышами поднимаются каменные пилоны, окрашенные в утренний цвет.

Представим этот путь — не как описание одного установленного археологами рейса, а как историческую реконструкцию. Мы не знаем, что именно перевозило конкретное судно в конкретное утро. Но мы знаем, что река связывала Египет в единое целое: соединяла поселения и города, поля и склады, святилища и дворцы. По Нилу двигались люди, припасы и новости. Чтобы понять, какой страной правил Тутанхамон, стоит сначала проплыть по этой дороге — от южных рубежей к дельте, от храмовых центров к средиземноморским границам державы.

Египет Нового царства, эпохи приблизительно с середины XVI до XI века до нашей эры, был не просто долиной, которую удерживали от пустыни. Он был государством с развитой администрацией, крупными храмовыми хозяйствами и армией, способной действовать далеко за пределами Нила. К времени Тутанхамона, в XIV веке до нашей эры, страна по-прежнему обладала огромными ресурсами и международным весом. Но её могущество уже не означало покоя: незадолго до восшествия юного царя двор перевернул религиозную жизнь Египта и перенёс царскую резиденцию в новый город.

Чтобы увидеть масштаб страны, удобнее всего мысленно развернуть карту прямо на воде.

Этап маршрута

Зона

Значение

Юг

Нубия и земли к югу от первых порогов Нила

Золото, военные и торговые пути; область египетского управления и влияния

Верхний Египет

Фивы, Карнак, Луксор и некрополи западного берега

Главный религиозный центр, прежде всего культ Амона

Средний Египет

Ахетатон, город, основанный Эхнатоном на месте современной Амарны

Новая царская столица и центр культа Атона

Север

Мемфис и дельта Нила

Административные и хозяйственные узлы, дороги к Средиземному морю и Синаю

За пределами долины

Левант, Синай, Красное море и земли южной торговли

Военные походы, дипломатия, сырьё и обмен товарами

Это не карта с неподвижной линией границы: египетское влияние менялось от царствования к царствованию и от области к области. В Нубии оно опиралось на военные гарнизоны, чиновников и добычу золота. В Леванте власть Египта часто проявлялась иначе — через договоры, дань и зависимость местных правителей. Поэтому «империя» не обязательно означала, что египетский чиновник сидел в каждом городе. Иногда достаточно было того, что местный князь писал фараону, просил подкрепления и напоминал о своей верности.

Удобство этой системы начиналось с реки. Её течение несло суда на север, а сезонные ветры помогали возвращаться на юг под парусом. Ежегодный разлив оставлял на полях плодородный ил. Вода и плодородие не делали жизнь беззаботной: разлив мог быть слишком высоким или слишком низким, урожай зависел от погоды, а каналы требовали ухода. Но Нил давал государству основу, которую трудно переоценить. Зерно можно было собирать, учитывать, хранить и распределять. Излишки поддерживали двор, храмы, ремесленников и воинов; запасы позволяли снаряжать экспедиции и строить монументы.

Древние изображения показывают лодки, поля, мастерские, склады и праздничные процессии. Археологические находки подтверждают существование развитого обмена и государственного хозяйства. Но повседневную жизнь простых людей мы восстанавливаем не так подробно, как хотелось бы: у нас нет дневника крестьянина, который рассказал бы, что он видел с берега каждое утро. Поэтому, когда мы воображаем запах мокрой земли, крики лодочников или разговоры работников на причале, это правдоподобная реконструкция, а не дословное свидетельство. Такое различие не делает прошлое беднее. Оно учит видеть, где заканчивается найденный факт и начинается осторожное воображение.

За рекой, вдоль пустынных дорог, начиналась другая карта Египта. На юге находилась Нубия — источник золота и важный участок пути вглубь Африки. На востоке лежали Синайские рудники и дороги к Красному морю. На северо-востоке — Ханаан и другие области Леванта, где Египет соперничал за влияние с державами Передней Азии. В разные периоды Нового царства египетские владения и сфера контроля простирались далеко на юг и на северо-восток; пределы власти менялись, но её следы были заметны за сотни километров от долины.

В международной политике Египет был частью мира сильных соседей. На севере усиливалось Хеттское царство; прежде важным партнёром и соперником Египта было Митанни. В дипломатии участвовали также Вавилония, Ассирия и правители многочисленных городов-государств Леванта. О переписке дворов рассказывают амарнские письма — сотни глиняных табличек, найденных в Ахетатоне. Правители обращались друг к другу с церемониальными приветствиями, просили золота, жаловались на соперников и требовали военной помощи. Это голос не ослабевшей окраины, а большого международного мира, где Египет был одной из главных сил.

Могущество страны держалось не только на армии и зерне. Оно было связано с храмами — крупными землевладельцами, работодателями и центрами хранения запасов. Жрец исполнял ритуал, но храм одновременно владел угодьями, мастерскими и скотом, организовывал работу и распределял ресурсы. Главным религиозным центром Нового царства были Фивы, где возвышался храмовый комплекс Карнака, посвящённый прежде всего Амону. Храм был не только местом поклонения. Это была влиятельная институция, включённая в устройство государства.

Двор фараона, жречество и армия не существовали в отдельных, герметичных мирах. Их интересы могли пересекаться и соперничать, но все они участвовали в поддержании царской власти. Египтяне представляли фараона как гаранта правильного порядка — маат, противостоящего хаосу. Речь шла не только о религиозной идее: в идеале царь должен был обеспечивать справедливое управление, безопасность границ, урожайность и благосклонность богов. Когда же власть резко меняла правила поклонения, перемена затрагивала не одну только хра-

мовую церемонию. Она могла менять расположение двора, распределение богатств и привычные связи между людьми и священными местами.

Именно такой поворот произошёл при Эхнатоне, отце или близком предшественнике Тутанхамона. В середине XIV века до нашей эры фараон сделал центральным культ Атона — солнечного диска — и основал новую столицу Ахетатон, «Горизонт Атона». Город возник на прежде не застроенной территории в Среднем Египте, между Фивами и Мемфисом. Его границы отмечали стелами, а искусство и надписи показывали царя, царицу Нефертити и их дочерей под лучами солнечного божества.

Эту реформу часто называют религиозной революцией, но слово «революция» не должно заставлять нас представлять, будто весь Египет мгновенно переменял веру. В царском культе Атону была отведена исключительная роль, а традиционные божества и особенно Амон подвергались преследованию. Имена Амона стирали с памятников, прежние храмы теряли поддержку, царский двор покинул Фивы. Однако точный масштаб изменений в повседневной жизни разных областей известен хуже, чем намерения царской власти. Нельзя уверенно сказать, что каждый житель Египта перестал почитать прежних богов или что вся страна одинаково исполняла новые предписания.

Важно и другое: культ Атона был тесно связан с царской семьёй. Солнечное божество изображали в виде диска, чьи лучи завершались ладонями; доступ к нему в официальном искусстве проходил через царя и его близких. Это был не просто новый набор молитв. Менялись язык власти и её символический центр. Если прежде огромный храм Амона в Карнаке напоминал о долговременных связях между богом, жрецами и фараоном, то теперь царская семья заявляла о собственном особом посредничестве между Атоном и людьми.

Изменение столицы тоже имело практическую цену. Чтобы основать Ахетатон, требовалось мобилизовать людей, материалы и продовольствие, устроить двор, мастерские и святилища. Но насколько тяжело это отразилось на хозяйстве всей страны, мы не знаем: найденные свидетельства позволяют увидеть царский проект, но не дают полного отчёта о благополучии каждого поселения. Надёжнее говорить о политическом разрыве, заметном в памятниках и административных перемещениях, чем изображать Египет как разрушенную страну. Держава оставалась могущественной; её привычный порядок оказался нарушен.

После смерти Эхнатона последовательность событий реконструируется не без споров. Царствования были короткими, имена и родственные связи нескольких правителей обсуждаются историками. Затем на престол взойшёл Тутанхатон — так первоначально назывался мальчик, которого мы знаем как Тутанхамона. Его имя связывало его с Атоном; позднее оно изменилось, и в нём вновь появился Амон. Примерно в девять лет он стал царём — точный возраст и даты зависят от принятой хронологии, но речь в любом случае идёт о ребёнке, вошедшем во взрослую политику двора.

О том, как ощущался этот переход для жителей, прямых свидетельств почти нет. Зато царские памятники показывают, в какую сторону поворачивала официальная власть. В надписях Тутанхамона прославлялось восстановление культов, храмов и священных праздников. Известна так называемая реставрационная стела, повествующая о том, что святилища пришли в запустение, а царь восстановил порядок. Такие надписи — важные источники, но они также служили царской пропагандой: правителю было выгодно представить самого себя спасителем страны. Их следует сопоставлять с другими памятниками, а не читать как беспристрастный отчёт.

Возвращение к традиционным культам не означало простого стирания прошлого. Храмы могли нуждаться в ремонте, жреческие должности — в восстановлении, праздники — в обновлении. Двору приходилось заново утверждать авторитет старых центров и объяснять, почему новый царь имеет право править. При Тутанхамоне важную роль играли высокопоставленные советники, в том числе Эйе и военачальник Хоремхеб, хотя подробности их влияния

и распределения полномочий не всегда поддаются точному восстановлению. Молодой фараон не правил в политическом вакууме; вокруг него находились люди, для которых возвращение прежних институтов было и государственной задачей, и вопросом власти.

Вот почему золотые предметы из гробницы Тутанхамона не должны заслонять страну, которая их создала. Золото рассказывает о мастерстве, ресурсах и царском статусе, но не объясняет, почему мальчик унаследовал именно такую власть. За блеском погребальных масок стояла держава, чьи поля по-прежнему кормила река, чьи послы и войска действовали далеко от столицы, а её главные храмы ещё не оправились от недавнего разрыва. Тутанхамон вступил на престол не в безмятежный мир, а в страну, достаточно сильную, чтобы пережить кризис, и достаточно уязвимую, чтобы нуждаться в восстановлении.

Мини-практика историка. Попробуйте мысленно проследить путь по карте из таблицы — от Нубии до дельты, а затем взглянуть на северо-восток, в сторону Леванта. На каждом участке задайте три вопроса: какой ресурс или путь был важен здесь; кто мог управлять им от имени царя; какое свидетельство подтверждает наш ответ? Например, о роли Амарны говорят найденные там таблички и памятники, но они не дают полного рассказа о жизни всех жителей. Такое упражнение помогает отличать карту влияния от карты прямого управления — и не превращать древнюю державу в ровно закрашенную территорию.

Карта Египта при Тутанхамоне — это не только пространство, но и время. За ним стояли богатство Нового царства, сильные храмы и международные связи; перед ним — последствия реформы, изменившей религиозный и политический центр страны. Чтобы понять, что мог и чего не мог этот юный царь, нужно увидеть не только его державу, но и его происхождение: кто были его родители, кому он наследовал и почему именно его имя оказалось в центре загадки. Каким должен был стать царь, унаследовавший страну, где старый порядок уже был нарушен?

Семья фараона: происхождение, родители и загадка наследника

В гробнице Тутанхамона среди золота и ритуальных предметов лежали два крошечных гроба. Внутри — мумифицированные тела младенцев, умерших ещё до рождения или вскоре после него. Они не оставили нам имён, лиц, воспоминаний. Но их присутствие говорит о семье фараона больше, чем многие торжественные надписи: у Тутанхамона были дети — и, по всей видимости, ни один из них не стал наследником.

Перед нами не стройное родословное древо, а стол расследователя. На нём — безымянные мумии, фрагменты надписей, царские имена, стёртые с саркофагов, результаты генетических анализов и пустые строки там, где хотелось бы вписать имена отца и матери. Каждый источник освещает отдельный участок прошлого. Ни один не показывает всей картины.

Чтобы разобраться в происхождении Тутанхамона, полезно сразу договориться о главном: история царской семьи — не то же самое, что история обычной семьи. Здесь важно различать биологическое родство, принадлежность к царскому дому и право на престол. Они могли совпадать, но не всегда. А свидетельство того, что два человека были родственниками, ещё не сообщает нам, как их звали.

Первые улики: две безымянные мумии

В 1898 году в гробнице Аменхотепа II в Долине царей обнаружили несколько мумий, укрытых в древнем тайнике. Среди них были тела женщины, позднее названной «Старшей дамой», и молодой женщины, получившей условное обозначение «Младшая дама». Эти названия — не титулы и не перевод древнеегипетских имён. Это рабочие ярлыки археологов.

В 1907 году в другой гробнице, KV55, нашли мумию, погребённую в саркофаге с повреждёнными и частично стёртыми надписями. Личность умершего тоже вызвала споры. Многие египтологи считают, что это Эхнатон, отец Тутанхамона, однако само тело не было найдено с ясной надписью «Эхнатон». На отождествление указывают совокупность обстоятельств: устройство погребения, предметы из гробницы и следы обращения с именами. Но имя на саркофаге было удалено, а значит, часть улик словно намеренно уничтожили.

В 2010 году группа исследователей во главе с египтологом Захи Хавассом опубликовала результаты генетического исследования мумий царской семьи XVIII династии. Согласно предложенной исследователями родословной, мумия KV55 была биологическим отцом Тутанхамона, а «Младшая дама» — его биологической матерью. Тот же анализ представил этих двух людей детьми Аменхотепа III и царицы Ти, то есть родными братом и сестрой.

Это важный результат. Но результат анализа и имя человека — не одно и то же. Генетика может говорить о близком родстве; она не способна сама по себе прочитать стёртую надпись и сказать: «Эту женщину звали именно так».

Поэтому вывод «отец Тутанхамона — Эхнатон» зависит от двух последовательных шагов. Сначала генетическая интерпретация связывает Тутанхамона с человеком из KV55. Затем исследователи отождествляют этого человека с Эхнатоном. Многие специалисты принимают такую реконструкцию, но идентификация мумии и толкование генетических данных продолжают обсуждаться. Исследования древней ДНК осложняют возраст и повреждённость материала, риск загрязнения образцов, а также трудность различения близких родственных связей. Наука здесь не перечёркивает прошлые выводы, а просит указывать, на каком именно звене цепочки держится каждый из них.

С «Младшей дамой» неопределённости ещё больше. Её предлагали отождествлять с разными женщинами амарнского царского круга, в том числе с Нефертити или Кией. Но надёжной надписи, которая называла бы её имя, нет. Даже если принять генетическую модель 2010

года, она устанавливает родственные связи, а не личность женщины. Версия о том, что она была дочерью Аменхотепа III и Ти, — часть интерпретации исследования; имя этой предполагаемой дочери остаётся неизвестным.

Слово «неизвестным» здесь не означает «неважным». Напротив: от этой женщины зависела одна из главных загадок семейной истории Тутанхамона. Он мог быть сыном Эхнатона, но мы не можем уверенно назвать его мать.

Стол доказательств

Разделим сведения так, как поступил бы внимательный историк: отдельно зафиксируем, что наблюдаем непосредственно, отдельно — наиболее вероятные реконструкции, а отдельно оставим вопросы, для которых у нас недостаточно данных.

Статус

Утверждение

На чём оно основано

Надёжно засвидетельствовано

В гробнице Тутанхамона нашли две мумии младенцев

Археологический контекст KV62 и исследование погребения

Надёжно засвидетельствовано

Тутанхамон был женат на Анхесенамон

Царские изображения, предметы и надписи с их именами

Вероятно

Человек из KV55 был биологическим отцом Тутанхамона

Результаты генетического исследования 2010 года

Вероятно

Мумия KV55 принадлежит Эхнатону

Сочетание археологических, исторических и антропологических свидетельств; окончательного единодушия нет

Вероятно

«Младшая дама» была биологической матерью Тутанхамона

Генетическая модель 2010 года; идентификация самой женщины не установлена

Вероятно

Две мумии младенцев были дочерьми Тутанхамона

Генетические и антропологические исследования; выводы зависят от качества и толкования образцов

Не установлено

Как звали мать Тутанхамона

Надёжной надписи, связывающей имя с «Младшей дамой», нет

Не установлено

Кто именно был матерью двух младенцев

Их связь с Тутанхамоном вероятна, но личность матери надёжно не подтверждена

Не установлено

Был ли у Тутанхамона другой ребёнок, не погребённый в его гробнице

Прямых убедительных свидетельств нет

Такой стол доказательств полезен не только для египтологии. Он защищает от привычной ошибки: превращать вероятную версию в твёрдый факт, просто потому что она красиво складывается в рассказ. Исторический вывод бывает обоснованным и всё же не окончательным.

Царская семья — это ещё и политика

Если принять наиболее распространённую реконструкцию, Тутанхамон родился в царском кругу конца XVIII династии, в семье, чья жизнь была связана с религиозной реформой Эхнатона. Имя мальчика при рождении, вероятно, было Тутанхатон — «Живой образ Атона». Позднее, после возвращения к культу Амона, он стал Тутанхамоном. Перемена имени отражала поворот государства, но сама по себе ничего не доказывает о его родителях.

В этом различии — между биологией и политикой — ключ к пониманию царской семьи. Для современного читателя родословная часто отвечает на вопрос: «Чей он сын?» Для египетского двора важнее могло быть другое: «Каким образом его власть признают боги, жрецы, чиновники и войско?» Биологическое происхождение давало царю место в династии, но легитимность создавали также титулы, обряды, признание элиты и связь с правящей традицией.

Тутанхамон вступил на престол ребёнком — обычно его воцарение относят примерно к девяти годам, хотя хронологические оценки могут немного различаться. Малолетний правитель не мог единолично восстановить государственные институты после перелома амарнского периода. Его власть поддерживали взрослые придворные, жрецы и военачальники. Поэтому царская семья была не только кругом родственников: она служила политическим механизмом, через который власть связывали с прошлым и передавали дальше.

Особое место в этой системе занимала жена царя. Тутанхамон был женат на Анхесенамон, дочери Эхнатона и Нефертити, как обычно считают на основании амарнских изображений и надписей. Ранее её имя звучало как Анхесенапаатон; после религиозного поворота оно, как и имя мужа, изменилось. Их брак подтверждается предметами и изображениями, на которых они представлены вместе.

Была ли Анхесенамон родной сестрой Тутанхамона? Если отец из KV55 действительно был Эхнатоном, то они, вероятно, имели общего отца. Но точное родство зависело бы от того, кем была мать Тутанхамона и какова была её связь с другими царскими женщинами. Даже привычное определение «брат и сестра» может скрывать разные биологические отношения. Надёжнее сказать: это был союз внутри близкого царского круга, укреплявший положение молодого фараона и его связь с предыдущим правлением.

На позднем этапе жизни Тутанхамона вопрос наследника стал особенно острым. Хеттские источники рассказывают о египетской царице, называемой Дахамунзу, которая после смерти фараона просила прислать ей сына хеттского царя в мужа: она утверждала, что не желает выходить замуж за собственного подданного. Эту царицу часто связывают с Анхесенамон, а просьбу — со временем после смерти Тутанхамона. Но в хеттском тексте не указано имя египетской царицы, поэтому такое отождествление остаётся гипотезой. Если речь действительно о вдове Тутанхамона, рассказ показывает, насколько опасным было отсутствие взрослого наследника: вопрос о браке становился вопросом о том, кто получит власть в Египте.

Две дочери без имён

Две маленькие мумии из гробницы Тутанхамона — самые горькие улики этого расследования. Их обозначают, в частности, инвентарными номерами 317a и 317b. Исследователи оценивали срок развития младенцев неодинаково, но обычно полагают, что один из них был заметно менее развит, чем другой. Тела, вероятно, принадлежат девочкам. Генетическое исследование связало их с Тутанхамоном, и их часто называют его дочерьми.

Однако и здесь следует разделять утверждения. То, что в гробнице лежали две мумии младенцев, — факт археологии. То, что это дочери Тутанхамона, — вывод, основанный на анализах и интерпретации. То, что их матерью была именно Анхесенамон, — правдоподобное предположение, ведь она была его женой, но прямого доказательства для такого вывода недостаточно. Их имена нам неизвестны. Мы не знаем, были ли они мертворождёнными, умерли ли вскоре после рождения и существовал ли ещё ребёнок, о котором не сохранилось следов.

И всё же их погребение позволяет увидеть то, чего не скажет царская титулатура. В официальном искусстве фараон окружён знаками бессмертной власти. В гробнице же — след семьи, столкнувшейся с человеческой утратой. Для династии это была не только трагедия родителей: отсутствие выжившего наследника делало будущее царской власти неопределённым.

Представьте две пустые строки в семейном реестре. Одна — возле имени матери Тутанхамона, другая — возле имён его дочерей. Историк не должен заполнять их красивыми, но недоказуемыми ответами. Его задача — объяснить, какие предположения возможны и почему нельзя выдать их за установленный факт.

Как читать родословную, не превращая её в легенду

Попробуем практический приём. Когда вы встречаете утверждение о происхождении Тутанхамона, задайте ему три вопроса.

1. Что найдено непосредственно? Например, мумию, надпись, изображение или предмет с именами.

2. Что именно утверждает источник? Надпись может назвать царя, а не его мать; генетический анализ может указать на родство, но не назвать человека.

3. Какой вывод добавил исследователь? Например, отождествил безымянную мумию с Эхнатомом или предположил, что две мумии младенцев принадлежат детям царя и его жены.

Затем пометьте вывод одним из трёх обозначений: «подтверждено источником», «вероятно» или «не установлено». Если в цепочке рассуждения есть несколько шагов, уверенность в каждом нужно оценивать отдельно. Можно быть достаточно уверенным в том, что KV55 был отцом Тутанхамона, и одновременно осторожным в вопросе, был ли KV55 именно Эхнатомом. Это не противоречие, а точность.

История происхождения Тутанхамона складывается из таких ступеней. Сначала мы видим царского младенца, который вырос внутри династии эпохи Эхнатона. Затем — генетическую реконструкцию, связывающую его с мумиями из KV55 и KV35. Потом — вероятное, но не бесспорное отождествление этих мумий с конкретными людьми. Рядом стоят Анхесенамон, подтверждённая жена фараона, и две дочери, погребённые в его гробнице. А за пределами того, что можно восстановить, остаются имена, мотивы и семейные подробности, которых древние свидетельства не сохранили.

Так и следует смотреть на царскую родословную: не как на готовую семейную историю, а как на карту с участками разной ясности. Одни линии нанесены уверенно, другие проведены пунктиром, третьи обрываются у края листа. Самое честное расследование не скрывает пустых мест. Оно показывает, чем мы располагаем, где начинается реконструкция и почему осторожность не ослабляет рассказ, а делает его убедительнее.

И когда мы пытаемся представить ребёнка, выросшего среди перемен амарнского двора, важно помнить: его происхождение — не только вопрос крови. Это ещё и вопрос о том, как семья превращалась в политическую опору царства. Именно там начинается следующая история.

Детство среди реформ: жизнь при дворе Эхнатона

На рельефе солнечные лучи заканчиваются маленькими ладонями. Одни касаются короны царя, другие подносят к лицам царской семьи знак жизни — анкх. Под ними сидят Эхнатон и Нефертити; рядом — их дочери. Семья кажется почти домашней: кто-то повернулся к другому, ребёнок устроился на коленях у матери. Но это не случайно подсмотренная сцена и не древняя семейная фотография. Перед нами образ, в котором близость царя к солнцу становится частью государственной религии.

Именно так, с оговоркой между тем, что мы видим, и тем, что можем заключить, следует говорить о детстве Тутанхамона. Он, вероятно, родился в эпоху Эхнатона и, возможно, рос в новой столице — Ахетатоне, городе, который теперь называют Амарной. Но ни изображения царской семьи, ни найденные в городе вещи не дают нам готовой биографии мальчика. Они показывают мир, в котором он мог жить: его ритуалы, архитектуру, привычки и перемены. А о том, что он думал обо всём этом, источники почти молчат.

Город, построенный для нового солнца

Ахетатон не был старой столицей, в которой сменили имя нескольких храмов. Эхнатон основал его на восточном берегу Нила, в местности, где природные скалы образуют дугу над равниной. Город был посвящён Атону — солнечному диску, чьё сияние изображалось как источник жизни. На пограничных стелах Эхнатон обозначил пределы новой столицы и связал её основание с волей божества.

Для правителя это было одновременно религиозным и политическим решением. Перенос двора менял привычную географию власти. Царь удалялся от старых центров, прежде всего от Фив и влиятельного культа Амона, и создавал место, где его собственная связь с Атоном становилась видимой в храме, дворце и городской планировке. Исследователи спорят, насколько уместно называть религию Эхнатона монотеизмом в современном смысле. Ясно другое: культ Атона получил исключительное положение, а традиционные боги и их жрецы оказались под давлением. Особенно заметно это было в отношении Амона: его имя стирали с надписей и памятников.

Но перемена не означала, что вся страна в один день забыла прежних богов. Религиозная жизнь Египта была шире царских указов и официальных изображений. Домашние обычаи, местные святилища и представления людей могли сохраняться, даже когда двор провозглашал новый порядок. Ахетатон был центром царского проекта — не доказательством того, что каждый его житель верил одинаково.

Мальчик из царского дома рос бы в пространстве, где эта перемена была не отвлечённой богословской дискуссией, а частью повседневного пейзажа. Солнце попадало во внутренние дворы храмов, открытые небу. Стены, колонны и алтарные площадки напоминали, кому посвящена столица и через кого, согласно официальному образу, люди получали доступ к божеству. Это не позволяет нам утверждать, что ребёнок понимал политику Эхнатона. Но помогает представить, какие знаки окружали его с самого раннего возраста.

Между дворцом и городом

Ахетатон был не только местом, где жила царская семья. Здесь находились дворцовые комплексы, храмы, административные здания, мастерские, жилые кварталы и поселения ремесленников. Город быстро строили и заселяли; в его жизни участвовали чиновники, писцы, военные, мастера, слуги, торговцы и рабочие. В развалинах остались следы этой сложной повседневности: печи, керамика, сосуды для хранения, инструменты, домашние алтари, обломки расписной штукатурки.

Археологическая карта позволяет увидеть столицу не как единый блестящий дворец, а как город с разными районами и разными уровнями достатка. В царских зданиях могли быть

просторные дворы, колоннады и парадные помещения. В домах обычных жителей пространство было теснее и приспособлено к работе и быту. Еду готовили, зерно мололи, воду приносили и хранили, одежду стирали и чинили. У царского ребёнка, разумеется, были несравнимо большие возможности, чем у большинства жителей. Но и его жизнь зависела от труда множества людей, почти не попавших в официальное искусство.

По найденным остаткам пищи и домашним предметам можно составить общее представление о рационе и хозяйстве Амарны: зерновые продукты, хлеб, пиво, овощи, фрукты и мясо в различных сочетаниях. Однако археологическая находка не сообщает, что именно ел Тутанхамон во вторник утром или кто подавал ему чашу. Она даёт рамку, а не расписание. То же относится к дворцовым помещениям: мы можем говорить о предназначении зданий и ритуальной организации пространства, но не можем уверенно указать комнату, в которой мальчик играл или спал.

Вероятнее всего, царский ребёнок был окружён распорядком, отличавшим его от обычных детей: церемониями, присутствием придворных, обучением и постоянным напоминанием о статусе. Его одежда, украшения, место при дворе, жесты во время официальных событий — всё это могло иметь значение, которое простому наблюдателю не было доступно. Но подробной программы воспитания Тутанхамона у нас нет. Сохранившиеся памятники не рассказывают, кто был его наставником, какие уроки он проходил и сколько времени проводил с другими детьми.

Для египетского царевича обучение, вероятно, включало навыки, необходимые будущему правителю: знакомство с придворным этикетом, ритуалом, управлением и основами письма. Это разумная реконструкция из общего знания о царской власти, а не установленная биография Тутанхамона. Нельзя превращать вероятное в доказанное только потому, что такая версия кажется убедительной. Археология не оставила нам дневника его воспитателя.

И всё же повседневные вещи помогают ощутить масштаб мира ребёнка. Представьте маленький сосуд, который можно было держать обеими руками, расписную плитку, фрагмент игрушки или низкую скамью. Такие предметы приближают древность к телесному опыту: к высоте стола, весу чаши, яркости краски. Но даже вещь, найденная в детском контексте, не обязательно принадлежала конкретному царевичу. А предмет из его гробницы мог быть создан или отобран для погребения, а не использоваться им в детстве. Вещи говорят, если задавать им точные вопросы; они вводят в заблуждение, когда мы заранее назначаем им владельца.

Что изображает царская семья

Амарнское искусство особенно соблазняет современного зрителя. Тела царя и царицы выглядят необычно вытянутыми, позы — менее строгими, а сцены семейной близости — непривычно открытыми для царского искусства. Кажется, будто художник стремился показать людей такими, какими они были дома. Но художественный стиль — не нейтральное окно в комнату. Он служит определённым задачам и говорит на языке своей эпохи.

В сцене, где солнечные лучи сходятся над царём, присутствие семьи подтверждает особое положение правителя. Атон изливает жизнь на царский дом; царь и царица становятся посредниками между божественным источником и страной. Дочери в этих изображениях — не просто дети, случайно оказавшиеся в кадре, а часть династического и религиозного порядка. Даже жесты, которые кажутся нам спонтанными, могли быть элементами продуманной композиции.

Поэтому изображение царской семьи нельзя автоматически считать портретом повседневного характера. Оно не доказывает, что Эхнатон был ласковым отцом в нашем понимании или что его дети свободно играли во дворце. Оно показывает, как царский дом хотел предстать перед богом и подданными. Эта разница не делает рельеф менее ценным. Напротив, она позволяет точнее увидеть, что именно художник и заказчик считали важным.

На известных семейных сценах часто изображены дочери Эхнатона и Нефертити. Нет оснований безоговорочно отождествлять каждого ребёнка на таком рельефе с Тутанхамоном.

Для современного читателя это важное ограничение: сходство образа с нашим представлением о «семейной сцене» не устанавливает личности персонажей. Ребёнок в искусстве Амарны может быть частью символического языка, а не узнаваемым портретом будущего фараона.

Имя Тутанхамона в ранней форме обычно связывают с почитанием Атона: его называют Тутанхатомом. Но даже имя не раскрывает личных убеждений ребёнка. В царской семье имя прежде всего было частью династической и религиозной системы. Оно может сообщить о политическом мире, в котором человека называли, но не позволяет заглянуть в его внутренний мир.

Как читать свидетельства: небольшое упражнение

Чтобы не спутать исторический факт с красивой догадкой, попробуйте рассмотреть изображение из Амарны в три шага.

1. Запишите, что видно непосредственно. Например: солнечный диск, лучи с кистями рук, царская пара, дети, подношения.

2. Отдельно сформулируйте толкование. Например: сцена показывает особую связь царского дома с Атоном.

3. Назовите вопрос, на который изображение не отвечает. Например: кто именно из детей изображён; что ребёнок чувствовал; как выглядел обычный день семьи.

Такой способ полезен не только для древнеегипетского искусства. Он помогает читать любые исторические источники: отделять наблюдение от интерпретации, а интерпретацию — от догадки. Попробуйте повторить упражнение с фотографией музейного предмета или с фрагментом текста из учебника. Сначала перечислите свидетельства, затем объясните, что они могут значить, и только потом обозначьте границы знания.

Тот же принцип применим к археологическим находкам Амарны. Сосуд с остатками пищи говорит о хранении или приготовлении продуктов, но не обязательно указывает на конкретного едока. Домашний алтарь свидетельствует о религиозной практике, но не сообщает, насколько его владельцы разделяли официальную доктрину двора. Надпись может назвать должность человека, но не раскрыть его отношение к царю. История становится убедительнее не тогда, когда в ней нет пробелов, а когда мы честно видим, где эти пробелы находятся.

Детство без дневника

О Тутанхамоне как ребёнке известно мало. Его ранние годы приходится восстанавливать по косвенным признакам: хронологии царствований, именам, изображениям, устройству столицы и предметам, найденным в египетских памятниках. Наиболее вероятно, что он рос в мире, сформированном реформами Эхнатона, и мог провести часть детства в Ахетатоне. Но место его рождения и подробности его первых лет нельзя назвать установленными с полной уверенностью.

Важно не заполнять молчание источников вымышленными сценами. Мы не знаем, боялся ли он громких церемоний, любил ли наблюдать за работой мастеров, задавал ли вопросы о богах. Можно представить ребёнка, который смотрит на солнечные лучи, вырезанные на стене, — но это будет образ современного автора, а не сохранённое свидетельство. Историческая реконструкция становится честной, когда воображение помогает почувствовать эпоху, но не притворяется документом.

Вероятный мир Тутанхамона был одновременно защищённым и зависимым. Царский статус давал доступ к лучшим ресурсам и окружал его людьми, чья работа обеспечивала двор. Но царский ребёнок был также частью публичной власти. Его имя, родственные связи и присутствие в ритуалах имели значение для будущего государства. Даже до того, как он мог понимать устройство власти, его положение уже определяло ожидания взрослых вокруг него.

Снаружи этот мир менялся. После Эхнатона царский дом должен был иметь дело с наследием реформы: с ослабленными или затронутыми храмовыми институтами, с перестроенной религиозной системой и с вопросом, насколько прочным оказался новый порядок. Для ребёнка переход мог быть незаметным в личном смысле: источники не показывают нам его внутрен-

ней реакции. Для страны же он был огромным. То, что вчера выражалось в названиях храмов, изображениях и царских именах, могло вскоре получить иное толкование.

В этом заключается напряжение его детства. Оно проходило, вероятно, среди знаков новой веры, но Египет не был чистым листом, на котором можно было начертить новый культ и навсегда стереть старый. Храмы, жрецы, местные общины, чиновники и привычные обряды составляли сложную ткань государства. Царская семья могла изменить официальный язык власти, но не могла отменить зависимость страны от её институтов и памяти.

Когда мальчик приблизился к возрасту, в котором от него начали ожидать большего, ему досталось не только имя и место в династии. Ему достался вопрос, который был старше его самого: как удержать царство, если религиозный порядок расколот, а власть должна вновь стать понятной и привычной для людей? Его детство не даёт прямого ответа. Оно объясняет, почему будущему правителю пришлось столкнуться с этим вопросом так рано.

Мы можем увидеть царскую семью под лучами Атона, пройти мысленно по улицам Ахетатона, рассмотреть чаши, печи и домашние алтари. Но между этими предметами и конкретным мальчиком остаётся расстояние, которое нельзя устранить красивой выдумкой. Именно это расстояние делает историю честной: Тутанхамон рос не в отвлечённой «эпохе перемен», а в реальном городе, среди людей и вещей, — и всё же его личные воспоминания почти не дошли до нас.

Известно немного о его детстве, но достаточно, чтобы увидеть главное: будущий фараон формировался в мире, где религия стала инструментом царской реформы, а сама власть нуждалась в новом равновесии. Когда он оказался на престоле, ему предстояло не просто сменить имя. Ему предстояло вернуть царству узнаваемый порядок — и тем самым начать путь от Тутанхатона к Тутанхамону.

От Тутанхатона к Тутанхамону: восшествие на престол

Представьте царское имя, вырезанное на камне и заключённое в овальный контур картуша. Каменщик не просто оставил потомкам подпись правителя. Он закрепил формулу власти: кто этот царь, каким богам он служит и в какой картине мира должен видеть себя Египет. Теперь вообразите, что в такой формуле меняют всего одно слово. Для современного читателя это может показаться личной подробностью. Для древнего Египта — заявлением, которое слышит вся страна.

Юный наследник взошёл на престол как Тутанхатон. Позже его стали называть Тутанхамоном. Между этими именами — не только смена звуков. Между ними — попытка вывести государство из эпохи религиозного разрыва и заново связать царскую власть с традиционными богами. Но кем именно была задумана эта перемена — самим мальчиком, его советниками или всем придворным кругом — источники не объясняют. Камень сохранил официальное решение, но не разговоры, которые ему предшествовали.

Мальчик на троне

Время вступления Тутанхатона на престол обычно относят примерно к 1332 году до нашей эры, хотя точная хронология царствования остаётся предметом уточнений. Считается, что ему было около восьми или девяти лет. Это был возраст, когда ребёнок ещё не может самостоятельно управлять огромной страной, но уже может стать её самым важным символом.

О самой коронации Тутанхамона у нас нет подробного рассказа очевидца. Мы не можем уверенно восстановить, в каком храме она состоялась, кто стоял рядом с царём и какие именно обряды совершались. Египетская царская традиция связывала вступление на престол с получением регалий, царских имён и божественной легитимности, однако конкретный сценарий церемонии Тутанхатона нам неизвестен. Поэтому лучше не представлять её как точно засвидетельствованную сцену, где ребёнку в определённую минуту возлагают корону, а говорить о том, что можно вывести из памятников и надписей.

Одно мы знаем: с появлением нового царя началась новая глава политической истории. Тутанхатон наследовал не пустую страну и не распавшуюся империю, а государство с огромными ресурсами, древними институтами и сильной памятью. Но этот порядок был потревожен реформой Амарны. Его предшественник Эхнатон возвысил культ Атона и перенёс двор в построенный для этого город Ахетатон. Прежние храмы и жречества утратили часть влияния; имя Амона, одного из важнейших богов Египта, подвергалось гонениям. Новый фараон появлялся в политическом мире, где вопрос о том, кому принадлежит первенство — Атону или традиционному пантеону, — был вопросом не только веры, но и власти, земли, денег и человеческой лояльности.

При малолетнем царе управление не могло быть делом одной пары детских рук. На решения влияли старшие придворные, военачальники, чиновники и жрецы — люди, чьи должности, знания и связи сохраняли работоспособность государства. Среди заметных фигур того времени были придворный сановник Ай и военачальник Хоремхеб, который позднее сам стал фараоном. Их точные роли в каждом решении юного царя определить трудно. Источники не позволяют назвать одного человека бесспорным регентом или единственным автором нового курса. Но они дают понять: царская воля действовала в плотном окружении интересов и опыта.

Это не означает, что Тутанхатон был пустым символом. В Египте символ царя был самой сутью государственной власти: его именем распоряжались ресурсами, его авторитетом освящали решения, от его лица объявляли о восстановлении порядка. Однако символ и человек — не одно и то же. Мы видим, что было провозглашено именем царя, но не всегда можем знать, какую долю в этом решении занимал сам мальчик.

Одно слово в картуше

Имя Тутанхатон переводят как «живой образ Атона» или «образ Атона жив». В имени Тутанхамон имя Атона уступает место имени Амона: получается «живой образ Амона». На письме эта перемена выглядит небольшой. В государственной идеологии она была огромной.

Царское имя не было частной меткой, вроде имени, которым родители зовут ребёнка дома. Оно было частью официального облика правителя. Фараон обладал сложной царской титулатурой, включавшей несколько имён; особенно часто в надписях встречаются два имени в картушах — тронное и личное, или, в терминологии египтологов, номэн. У Тутанхатона тронное имя Небхеперура сохранилось и после перемены личного имени. Получалось, что один элемент царской формулы оставался прежним, а другой объявлял о новом религиозном направлении.

Для современного читателя полезно мысленно приблизить картуш — словно мы рассматриваем документ через увеличительное стекло. Сначала задаём простой вопрос: какое божество названо внутри имени? Затем — что изменилось, а что осталось прежним? Наконец — кто мог увидеть эту надпись: только придворные или также жрецы, чиновники и посетители храма? Такой способ чтения помогает не сводить древний знак к красивому орнаменту. Картуш сообщал о царе, но одновременно говорил о государстве.

Перемена имени не была просто решением молодого человека отказаться от прежнего звучания. Даже если Тутанхатон лично участвовал в выборе нового имени, публичный смысл перемены выходил далеко за пределы личной воли. Имя Амона возвращалось в царскую титулатуру, а вместе с ним — признание его храмов, жрецов и традиционного культа. Это не означало, что всё в стране мгновенно стало таким, каким было до реформы Эхнатона. Но официальный знак направления был поставлен.

Судя по памятникам, имя изменила и супруга царя: Анхесенпаатон стала Анхесенамон. Этот параллельный шаг усиливает впечатление, что речь шла о государственной перемене, а не о случайной личной прихоти. Царская семья публично связывала себя уже не с Атоном, а с Амоном. При этом не стоит превращать перемену имён в доказательство того, что каждый житель Египта немедленно изменил веру. Мы знаем о решениях двора; частную религиозную жизнь простых людей источники показывают гораздо хуже.

Имя было программой, но не подробным планом. Оно обозначало, к каким богам царь возвращает официальный почёт, однако само по себе не ремонтировало храмов, не назначало жрецов и не восстанавливало жертвоприношений. Для этого требовались дальнейшие распоряжения, ресурсы и люди, способные воплотить решение на местах.

Двор покидает Ахетатон

Следующим знаком поворота стало перемещение двора из Ахетатона — города, основанного Эхнатонам ради нового религиозного центра. Его широкие улицы и дворцы были не просто красивой декорацией: город воплощал программу царя. Поэтому уход оттуда имел значение, даже если мы не можем представить его как один торжественный день, когда весь государственный аппарат одновременно собрал вещи и отправился в путь.

Политический центр Египта нельзя представить точкой на современной карте, куда переезжают министерства, оставляя позади всё остальное. Двор, административные учреждения, главные храмы и места царских церемоний могли быть связаны с разными городами. После Амарны всё большее значение возвращал Мемфис — крупный административный узел страны, тогда как Фивы снова становились важнейшим центром культа Амона. Поэтому осторожнее говорить не о простом переносе «столицы из Ахетатона в Фивы», а о постепенном отказе от Ахетатона как главного символа и опоры царского двора и о переориентации власти на традиционные центры.

Уход царского двора был мощным политическим жестом, но он не означал, что город исчез в одночасье. Люди могли продолжать там жить, здания — использоваться, а некоторые сооружения позднее разбирали на камень. Однако Ахетатон переставал быть городом, вокруг

которого строилась царская идеология. Там, где недавно сам ландшафт говорил о превосходстве Атона, теперь вновь утверждалась сеть старых храмов и культов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.